

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Евгений ЛУКИН

❁ **ПОНЕРОПОЛЬ**
Попытка утопии

Александр ТЕБЕНЬКОВ

❁ **МИЛЛИОН ЛЕТ
ПРОЙДЕТ БЫСТРО**

Сергей СИНЯКИН

❁ **ДЖИННЫ
ПЯТОЙ СТИХИИ**

❁ **СТРАНСТВУЮЩИЕ
ГОСТИ ТАБОРА**

❁ **РЕБЕНОК
В СВОЕМ ПРАВЕ**

Юрий АСТРОВ

❁ **ПОЙДЕШЬ —
НЕ ВЕРНЕШЬСЯ**

❁ **ДЕВЯТЬ ГРАММОВ**

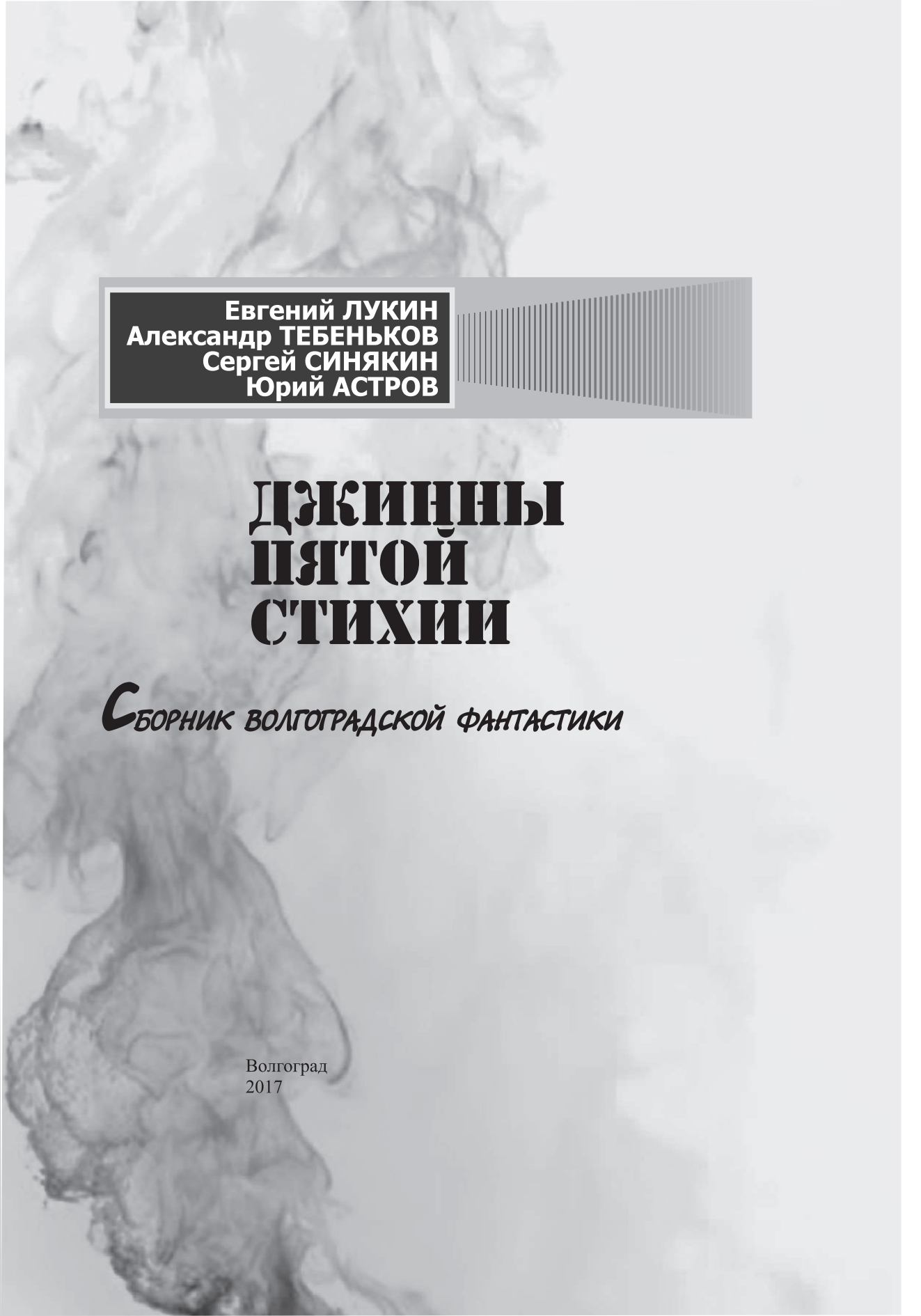
КРИТИКА

Юрий АСТРОВ

❁ **Искусство чтения как искусство
игры в «бродилку», или Как сделать
фантастику литературой?**
Летописец

Сергей СИНЯКИН

❁ **СОВЕТСКИЕ МАРСИАНСКИЕ ХРОНИКИ**

Евгений ЛУКИН
Александр ТЕБЕНЬКОВ
Сергей СИНЯКИН
Юрий АСТРОВ

ДЖИННЫ ПЯТОЙ СТИХИИ

СБОРНИК ВОЛГОГРАДСКОЙ ФАНТАСТИКИ

Волгоград
2017

ББК
Д

Составитель
С. Н. Сиякин

Джинны пятой стихии [Текст]: сборник волгоградской фантастики /
сост. С. Н. Сиякин. — Волгоград: Издатель, 2017. — с.

ББК

© Сиякин С. Н., составление, 2017
© ГБУК «Издатель», оформление, 2017

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ПОНЕРОПОЛЬ

Попытка утопии

Законность есть народное стеснение,
Гнуснейшее меж всеми преступление.

Алексей Константинович Толстой

1. Арина

«За пропаганду правды и добра — ответишь!»

На проседающих ногах Влас Чубарин подобрался поближе к синей эмалированной табличке, укрепленной на одиноко торчащем из асфальта полосатом штыре и, не веря, перечёл грозное предупреждение. Нет, на чью-либо дурацкую шутку это совсем не походило. Явно заводская работа, в единственном экземпляре такое не изготавливают. Влас взглянул на основание штыря. Увиденное его не обрадовало: складывалось впечатление, что железку с табличкой установили ещё до того, как положили асфальт. Вновь возвёл очумелые глаза к тёмно-синему эмалированному прямоугольнику. Под основной надписью белела другая — помельче:

«Отсутствие закона не освобождает от ответственности».

Резко обернулся, высматривая автобус, из которого его, бесцеремонно растолкав, высадили несколько минут назад, но того уже не было. Успел отъехать.

События вчерашнего вечера обнажались в памяти нехотя, как бы стыдясь самих себя. Родители увезлись на недельку в Пловдив, и одуревший от восхитительного чувства свободы Влас не нашел ничего лучшего, как учинить на опустевшей территории дружескую попойку. Впрочем, начиналось всё довольно прилично, даже интеллигентно. Спорили, правда, яростно, но только о высоком.

— Да любое государство — от дьявола! — упорствовал Влас.

— Обоснуй! — запальчиво требовал Павлик.

— Мамой клянусь! — подсказывал смешливый Сашок.

Приведенная Павликом девица скучала и налегала на коньяк.

— Да иди ты! — отмахнувшись от зубоскала, Влас повернулся к Павлику. — Доказать? Запросто! Третье искушение дьявола! А? Когда дьявол Христу предлагал все царства и славу их... Поклонись, говорит, мне — и всё твоё будет!

— Ну?

— Что ну? Если предлагал, значит, чьи они, царства?

— Да, может, он чужое предлагал! Нашёл, кому верить!

— Чужое — в смысле Божье?

— Ну да...

— А почему тогда Христос его не уличил? Сказал бы: «Что ж ты, козёл, чужое мне впариваешь? Это Отцу Моему принадлежит, а не тебе!»

— Н-ну... — Павлик замялся.

— Так он Ему какие царства впаривал? — пришёл на выручку Сашок. — Языческие!

— О! — воспрял Павлик. — Точно... Других тогда и не было!

Злорадно осклабившись, Влас вкусил коньяку и снял наручные часы (мешали жестикулировать).

— Так... Языческие... А чем языческое государство отличается от христианского? — И, не давая оппоненту вставить хотя бы слово: — Наверное, тем же, чем язычник от христианина? Так?

Павлик призадумался. Нутром он чуял грядущий подвох, но в чём этот подвох заключается, пока ещё не уловил.

— М-м... Ну допустим!

— Значит, христианским называется такое государство, которое живёт по Христу... Согласен? Та-ак... «Не убий!» А у каждой державы — армия! «Не укради!» А у каждой державы — наложка...

— Ну, налоги — это скорее вымогательство, чем кража, — недовольно заметил Павлик.

— Хорошо, пускай вымогательство... Дальше! «Не лжесвидетельствуй!» А политика? А пиар? А дипломатия? Врут и не краснеют!.. Что там ещё осталось? «Возлюби ближнего, как самого себя»? Ну покажи мне одну такую страну, чтобы возлюбила... Да хотя бы союзников своих! Но так же, как себя! А? Во-от... Стало быть, нет на свете христианских государств. Нет и не было! Называются христианскими, а по жизни — языческие... То есть от дьявола!

— А «не прелюбодействуй»? — с нездоровым интересом осведомился Сашок.

Девушка очнулась, зрачки её открывшихся глаз расширились. Видимо, пыталась представить прелюбодеяние в межгосударственном масштабе.

— Да! Не прелюбодействуй и чти отца с матерью! Вот эти две заповеди, согласен, ни одна страна никогда не нарушит. Потому что не сумеет при всём желании. Отца-матери нет, гениталий — тоже...

— А Президент?

— В смысле — отец народа?

— Нет, во втором смысле...

И как могла столь глубокая, отчасти даже богословская полемика перейти после третьей бутылки в безобразную, бессмысленную драку?

Очнулся Влас под креслом. Подбородок саднило. Пышущий лоб оведало прохладой из окна наполовину вывернутого из стены. Пол был покрыт скрипучим стеклянным крошечком, в которое обратились фужеры, тарелки, щегольские очки Павлика и наручные часы самого Власа. Голый стол пребывал в стоячем положении, но чувствовалось, что на ноги его подняли относительно недавно. По тёмной полированной столешнице пролегалась ослепительная царапина.

И никого. Надо полагать, опомнились, ужаснулись содеянному — и бежали.

Но что такое был их ужас по сравнению с ужасом самого Власа, не в пример безбашенным государствам панически чтившего отца и мать! Представив на секунду возвращение родителей из Пловдива, грешный отпрыск опять впал в беспамятство и выпал из него уже в тёмном гулком переулке, ведущем напрямиком к суловскому автовокзалу.

Дальнейшее восстановить не удалось.

Наверное, купил билет до Баклужино.

Влас Чубарин замычал и, открыв глаза, вновь увидел всё ту же устрашающую табличку. Не могло быть в Баклужино таких табличек! Такие таблички могли быть только в... Страшное слово вертелось в мозгу, но Влас не решался произнести его даже про себя.

Нетвёрдым шагом он вышел из-под огромного навеса, обрешёченного с изнанки чудовищными металлическими балками на столь же чудовищных болтах, и запрокинул страдальчески сморщенное лицо. По краю козырька выстроились богатые объёмные буквы. То самое слово, которое он не осмеливался выговорить.

ПОНЕРОПОЛЬ.

Обмяк — и торопливо заковылял в сторону кассы.

— Суловскими принимаете? — сиплым преступным голосом осведомился он.

— Да хоть тугриками, — последовал равнодушный ответ.

— А когда следующий на Баклужино?

Юная кассирша вскинула голову и уставилась на Власа.

— Привет! — сказала она. — Ты откуда такой?

Тот внутренне напрягся, с мукой припоминая, не было ли в последнее время какого-нибудь международного конфликта. Наверное, не было, раз автобусы ходят...

— Да вот... из Сулова...

— Второгодник... — с нежностью вымолвила она. — Ты географию в школе учил вообще? Отсюда в Баклужино — только через Лыцк, а они границу ещё год назад закрыли. Это тебе обратно надо. — Постучала по клавишам, бросила взгляд на монитор. — Есть места на шестичасовой. Берёшь?

Влас поспешно сунул руку в карман — и обомлел, не обнаружив там бумажника.

— Я подумаю... — ещё более сипло выдавил он и, отойдя на пяток шагов, проверил всё, что можно было проверить. Нету.

Украден. Ясное дело, украден. В Понерополе — да чтоб не украли? Поскуливая чуть ли не вслух — от отчаяния и от головной боли, Влас шаткой поступью пустился в обратный путь, к полосатому штырю с синей эмалированной табличкой. Обогнул бетонную опору — и не поверил глазам: бумажник преспокойно лежал на асфальте, никем пока не присвоенный. Правда, в нескольких метрах от него стояли двое местных и с презрительным видом поглядывали на оброненную вещь.

Ускорив шаг, насколько это было в его силах, Влас достиг едва не утраченной собственности, но нагнулся над нею слишком резко — в голову вступило, перед глазами за клубилась мгла, так что пальцы бедолага смыкал уже на ощупь. Превозмогая дурноту, медленно выпрямился. Мгла потихоньку рассеялась, снова явив злорадные физиономии обоим аборигенов. Один — сухощавый, пожилой, в мятых летних брюках и рубашке навыпуск. Правая кисть у него отсутствовала — ручонка завершалась лаконичным глянцевым скруглением. Второй — помоложе, покрепче: покатый лоб, плавно переходящий в затылок, хватистые лапы (полный комплект), тенниска набита мускулами, как мешок картошкой. Возможно, отец и сын.

Оба, не скрывая ехидства, смотрели на Власа и, казалось, что-то предвкушали.

— Это моё... — пояснил он на всякий случай.

— Твоё-твое... — ласково покивал пожилой.

Тот, что помоложе, гнусно ухмыльнулся.

Заподозрив неладное, Влас открыл бумажник. Деньги были на месте. Пересчитывать не стал. Испытывая сильнейшую неловкость, отправил бумажник в карман, опять взглянул на странную парочку и заметил, что лица обоих помаленьку утрачи-

вают выражение превосходства, мало того, проступает на них беспокойство, даже растерянность. Заморгали, заозирались...

— Правда, что ль, его? — спросил молодой.

Непонимающе уставились друг на друга, затем на Власа — теперь уже с обидой и злобным изумлением.

— Ну я-то ладно, а ты-то... — недоумевая, выговорил тот, что с культяпкой.

— А что я? — вскинулся молодой. — Лежит на виду! Думал: нарочно...

Внезапно тот, что с культяпкой, уставился поверх плеча Власа, морщинистое лицо исказилось.

— Салочка! — сипло выдохнул инвалид.

Оба кинулись наутёк. Влас испуганно обернулся и вновь пережил приступ дурноты. Асфальтовое пространство дрогнуло, подёрнулось мутью. Что именно испугало аборигенов, осталось неизвестным. Вокзальный динамик оглушительно сыграл первые такты «Мурки», и женский голос объявил о скором отправлении очередного автобуса на Гоблино.

Вернувшись к стеклянному оконцу кассы, Влас обнаружил, что весёлая девушка, обозвавшая его второгодником, сдаёт смену напарнице, надменной пергаментной особе предпенсионного возраста. Почему-то бросилось в глаза, что правая рука особы облачена в чёрную кожаную перчатку и что делá особа принимает одной левой. Протез? Странно... Не слишком ли много калек для одного автовокзала?

При виде Власа молоденькая кассирша заулыбалась и послала ему сквозь стекло не то приветственный, не то предостерегающий знак, словно бы потрогала кончиками растопыренных пальцев невидимую стену. Чубарин не понял. Кажется, ему не советовали приобретать билет.

Поколебавшись, отступил в сторонку. Через несколько минут появилась сдавшая смену девушка. Подошла вплотную, оглядела бесцеремонно.

— Ну ясно, короче! — торжествующе объявила она. — Назююкался и влез не в тот автобус! А хорошо они с бумажником... Я аж залюбовалась...

— Билеты кончились?.. — обречённо спросил Влас.

— Да отправлю я тебя, отправлю! Чего переживаешь?

Влас взялся за горячий лоб, сглотнул. Мышление отказывало.

— Поняла, — весело сообщила кассирша. — Сейчас вылечим.

Подхватила под руку — и они куда-то пошли. Шли довольно долго. Пересекли площадь, где на невысоком пьедестале стоял некто бронзовый, слегка позеленевший, в античных доспехах. Из поясняющей надписи в одурманенном мозгу отписнулись всего два слова: «основатель» и «Македонский». Потом возник скверик с фонтаном. Наконец Влас был усажен за столик в летнем кафе и на удивление быстро обслужен.

— Залпом! — скомандовала девушка. — И закусывай давай!

Жизнь возвращалась. Целительный ветерок потрагивал лицо, поигрывал листвой вязов. За низкой вычурной оградой пролегалась неширокая улица. На противоположной её стороне в разрыве между кронами виднелся треугольный фронтон не то музея, не то театра. В центре фронтона белел овечий профиль Пушкина, а под ним — две постепенно проясняющиеся строки:

Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман.

— Ну как? — с пониманием спросила кассирша. — Ожил? Или ещё заказать?

Влас осознал, что ведёт себя неприлично, и, сделав над собой усилие, перенёс взгляд с надписи на свою спасительницу. Мордашка у спасительницы была ничего, обаятельная, хотя и несколько скуластая. Степная.

— Спасибо, достаточно...

— Тебя как зовут?

— Влас. А тебя?

— Арина. Ты закусывай...

Улыбка у неё была — до ушей.

Само по себе воскрешение — никто не спорит — процесс приятный, если бы не одно прискорбное обстоятельство: вместе с жизнью возвращаются и проблемы. Разгромленная квартира, гнев вернувшихся из Пловдива родителей, нелепое бегство в зловещий таинственный Понерополь...

Влас отодвинул пластиковую тарелку, и пригорюнился, заново осознавая все свои беды.

Арина взгляделась в его лицо и, полуобернувшись к стойке, вскинула указательный палец:

— Повторить!

Это было мудрое решение. В результате ощущение бытия осталось, а проблемы временно отступили. По крайней мере, домашние.

— Слушай... — Влас оглянулся, понизил голос. — А эта табличка на автовокзале...

Вздёрнула брови:

— Что за табличка? Почему не помню?

— Ну там... за пропаганду правды и добра... ответишь...

— А, эта... Да их у нас двенадцать штук! По числу платформ.

Влас помрачнел.

— А как ответишь?

— Не знаю. Никак, наверное...

— Почему никак?

— А не за что...

Повеяло пропагандой. Но, пожалуй, не той, за которую здесь отвечают. Случившееся внезапно предстало перед Власом во всей своей странности. С какой вообще стати она на него запала, эта Арина? Просто приглянулся? Уродом себя Влас не считал, но после пьянки, драки и тряского сна в автобусе первое впечатление он должен был на неё произвести скорее отталкивающее, нежели привлекательное. Может, служба такая? Может, им по должности положено приезжих обрабатывать? Вот, мол, мы какие хорошие...

Цитата на фронтоне приковывала взгляд.

Тогда другой, прямо противоположный вариант: вдруг они тут все невыездные? А он-то какой-никакой, а иностранец! Да, в этом случае поведение кассирши обретает смысл: быстренько окрутить, пока не перехватили, сменить подданство — и уехать подальше от грозных табличек! Хоть куда! Хоть в Суслов...

— Слушай... — выдавил он. — А эти двое... Ну, убежали которые... Чего они?

Арина засмеялась.

— Правильно убежали. Вовремя.

— А если б не убежали?

— Осалили бы обоих.

Осалили? Неведомый жаргонизм прозвучал настолько жутко, что Влас содрогнулся. Почему-то представилась ему свиная туша, обжигаемая паяльной лампой.

— Как это... — голос упал до шёпота.
— Так! Чтоб клювом не щёлкали.
— Так никто же не щёлкал, — растерянно сказал Влас. — Они ж, наверно, думали, что я нарочно им бумажник подбросил...
— Этот, что ли? — Арина полезла в сумочку и вынула оттуда потёртое изделие из натуральной кожи. Влас в изумлении взялся за карман. Пусто.
— Ничего себе... — пробормотал он, принимая из умелых рук собеседницы своё столь легко движимое имущество. — Как это ты?
— А так вот, — небрежно пояснила она. — Мелкую моторику у нас с детского сада развивают. Нет, конечно, карманная кража, по нашим временам, не профессия, но для общего образования...
— А кассирша — профессия?
Арина уставила на Власа серые дерзкие глаза.
— Да хороший ты мой! — восхитилась она. — Кассирша — это не профессия, это отмазка...
— То есть?
— Ну чтобы обмануть, надо же сначала честным прикинуться! Простой студенткой, простой кассиршей...
— И ты, значит, со мной сейчас прикидываешься?
Совсем рассмешил.
— Ой, не могу! С тобой-то чего прикидываться?
— Ну а вот, допустим, я хочу узнать, кем человек работает...
— Так и спрашивай: какая у тебя отмазка?
— Как же вы тут живёте? — жалобно сказал он.
Пожала плечиком.
— Да нормально живём... — покосилась на ошалелую физию собеседника, ухмыльнулась. — Историю в школе учил? При советской власти за спекуляцию в тюрьму сажали. Представил? Купил дёшево, продал дорого — и тебя за это закрывают года на три, а?
— Ну так... тогда же этот был... тоталитаризм...
— Ага! — весело согласилась Арина. — А потом свергли советскую власть, разрешили спекуляцию...
— Бизнес, — недовольно поправил Влас.
— Ну, бизнес! — с вызовом согласилась она. — А кражу почему-то не разрешили. И грабёж не разрешили. Справедливо это?
Вон их чему, оказывается, в школах-то учат...
— Нет, погоди! — возмутился он. — Тут разница! Вот ты говоришь: купил — продал... Но за свои же деньги покупал!
— А пистолет ты не за свои покупал? — не задумываясь, возразила бойкая Арина. — А инструменты для взлома — не за свои?.. Вот вы говорите: свобода (ничего подобного Влас не говорил)... Это у нас свобода! А у вас там в Суслове тоталитарный режим... Кстати! Бумажник-то свой забери...
И она опять достала из сумочки всё то же многострадальное портмоне.
Влас вспыхнул. Благодеяние благодеянием, а девчонка определенно зарывалась. Следовало срочно поставить её на место, тем более что самочувствие это уже позволяло. Сто граммов водки вернули Власу ту волшебную раскованность, в результате которой, возможно, и была разнесена вчера его квартира.
— Значит, за пропаганду добра, говоришь, отвечают... — медленно выговорил он. — А за само добро?

Задумалась на секунду.

— Да тоже, наверное...

— Та-ак... — Влас откинулся на спинку стула, на устах его играла улыбающая улыбка. — И не боишься?

— Чего?

— Н-ну... — Он выразительным жестом обвел столик. — Добро ведь творишь...

— Ой! — Арина скроила пренебрежительную гримаску. — Отмазок... — Она выразительно провела ребром ладони по горлу.

— Ну, например?

— Во-первых, я тебя спаиваю.

— Как это спаиваешь? Спасает?

— Одно другому не мешает, — отмахнулась Арина. — А во-вторых, ты ж не знаешь, что я насчёт тебя задумала...

Влас поперхнулся.

— Спокойно! — сказала она. — Я тоже ещё не знаю...

Приподнялась и с кем-то поздоровалась. Влас взглянул. За соседний столик присаживалась супружеская чета: оба чистенькие, седенькие, улыбочивые. Махонькие — как птички. Что-то в их облике показалось тревожно знакомым. Влас приоткрыл рот и внутренне охнул: вместо кисти правой руки у каждого имел место аккуратненький протезик.

2. Раздрай

Где-то поблизости некая мелкая бытовая электроника приглушённо пропиликала начало мелодии «По тундре, по железной дороге...» — и все, включая бармена и седенькую супружескую чету, не сговариваясь, схватились за сотовые телефоны. Выяснилось, однако, что звонили Арине. Чертыхаясь, она запустила руку в сумку, но, видимо, писклявое устройство заползло из вредности на самое дно кожаного чёрного мешка, поэтому содержимое его пришлось вытрясти прямо на стол. Посыпались со стуком ключи, мелочь, косметика, щётка для волос, смятые странного вида купюры, короткоствольный револьвер, смахивающий на девятимиллиметровый «Детектив спешииел», россыпь патронов к нему и наконец сам телефон, вопящий во всё свое электронное горлышко: «По тундр-ре, по железной дор-роге...»

— Да! — крикнула в трубку Арина.

Влас потянулся было к револьверу, но, перехватив недовольный взгляд своей новой знакомой, раздумал и взял патрон.

— Да? — кричала тем временем Арина. — Поняла: грабят! И что?..

То ли связь была неважная, то ли собеседник глуховат.

— Так они всегда этого числа приходят — пора бы уж привыкнуть!.. Раньше никогда? Как это никогда?.. А! Вон когда... Ты бы ещё «до грехопадения» сказал! Ладно, короче. Сейчас приду разберусь...

Раздосадованная, она бросила телефон в сумку. Туда же полетели револьвер, щётка для волос и всё прочее, включая отобранный у Власа боеприпас.

— Зла не хватает! — сообщила она, поднимаясь и вскидывая на плечо ремешок сумки. — Дед — чисто дитё малое! Всё думает, что при старом режиме живёт... Знаешь что? Ты посиди здесь пока. Только не напивайся. Или походи погуляй. Тогда на вокзале встретимся.

— Помощь нужна? — тихо спросил он, встревоженный зловещими словами «грабят» и «разберусь».

Арина удивлённо взглянула на Власа. Потом, что-то, видать, вспомнив, сунула руку в сумку.

— Держи, расплатишься, — бросила она, кладя на стол широкую купюру цвета беж. — Ты ж свои-то ещё не менял... — И устремила к выходу из скверика.

Влас проводил её ошарашенным взглядом, затем, когда провожать уже стало некого, взял купюру, осмотрел. С бумажки целился в него сосредоточенный снайпер. Левая половина лица киллера была деловита и беспощадна, правая — скрыта оптическим прицелом. «Один заказ, — содрогнувшись, прочёл Влас. — Подделывать можно. Попадаться — нельзя».

— Предъявите оружие... — равнодушно прозвучало за спиной. Чубарин едва не выронил злоеший денежный знак. Обернулся. Два мордovorота в одинаковых серых куртках, каждый с коротеньким автоматом, болтающимся у бедра, выжидающе созерцали приезжего. Глаза у обоих были не выразительнее давешнего патрона.

— Ка-кое оружие? — спросил окутанный страхом Влас.

— Желательно огнестрельное.

— У меня нет...

Этот невинный и честный ответ произвёл на подошедших неожиданно сильное впечатление: опешили, недоверчиво сдвинули брови.

— То есть как это нет?

Спасение явилось из-за соседнего столика.

— Э-э... молодые люди... — продребезжало оттуда, и мордovorоты коротко взглянули на однорукого старичка. — Насколько я понимаю, — с благодистой улыбкой известил он, — юноша только что прибыл из-за границы...

— Вот... — робко промолвил Влас, протягивая паспорт.

— А-а, Суслов... — смягчаясь, проворчал страж. — Так бы и сказал сразу...

Второй оживился.

— Слышь! — любопытно попытался он. — А как вы там живёте вообще? В Суслове своём...

На левом отвороте его куртки серебрился значок в виде грозно вытаращенного глаза. У первого — тоже.

— Живём... — виновато выдавил Влас.

— Без оружия?!

— Ну так это... чтоб друг друга не убивали... не грабили...

На лицах обоих стражей сначала отгиснулось туповатое недоумение, потом оба взгоготнули.

— Ну вы мудрецы! — насмешливо протянул один. — Оружия людям не давать... Так это ж как раз грабь — не хочу!

«Да, попал... — растерянно думал Влас, глядя в широкие спины удаляющихся стражей. — Ещё, что ли, добавить?.. Нет, наверное, лучше не надо...»

Он встал, подошёл к стойке, над которой немедленно всплыл атлетический торс бармена в незапятнанно-белой рубашке и при галстукe, а то, что Влас поначалу принял за подтяжки, вблизи оказалось сбруей от наплечной кобуры. Из-под мышки виднелась тыльная часть рукоятки тяжеленного пистолета. А вот лицо бармена внимания как-то не приковывало.

«Один заказ... Интересно, сколько это будет в сусловских — один заказ? Наверное, много, если сказала: смотри не напейся...»

— Я расплатиться... — пояснил Влас.

Коротко стриженная голова важно кивнула с высоты торса.

— А-а... М-м... Тут ещё на чашечку кофе хватит? С сахаром...

Бармен не выдержал и усмехнулся.

— Я принесу, — сообщил он, принимая купюру.

Влас хотел вернуться за свой столик, но был задержан седенькой улыбчивой четой.

— Да вы подсядьте к нам, юноша... Что вы там, право, в гордом одиночестве?

Влас подумал и подсел.

— Нуте-с, добро пожаловать в наши криминалитеты, — приветствовал его старичок. — Раздрай. Аверкий Проклович Раздрай, прошу любить и жаловать. А это супруга моя — Пелагея Кирилловна.

Влас представился. Бармен принес кофе и ворох сдачи.

— Итак, вы у нас впервые, — констатировал Аверкий Проклович, с любопытством разглядывая молоденького иностранца. — И каковы впечатления?

Влас откашлялся.

— Да я пока... присматриваюсь только...

Раздрай покивал.

— Замечательно, — одобрил он. — Я, кстати, смотритель местного краеведческого музея, так что пользуйтесь случаем...

— Тоже отмазка? — не подумавши брякнул Влас.

Старичок округлил глаза.

— О-о... — с уважением протянул он. — Да вы, я смотрю, на глазах в нашу жизнь вращаете... Совершенно верно, именно отмазка. И отмазка, я вам доложу, превосходная! Делаю вид, будто честно тружусь — комар носа не подточит... — Раздрай чуть подался к собеседнику и, лукаво подмигнув, понизил голос до шёпота. — Между нами говоря, личина-то приросла давно — в самом деле честно тружусь, однако, поди докажи! А кроме того... — Дребезжащий старческий тенорок снова обрёл внятность. — Пенсия по инвалидности. Вот! — И смотритель музея чуть ли не с гордостью предъявил протез. — Всё это, молодой человек, избавляет меня от печальной, на мой взгляд, необходимости...

— Аверкий! — укоризненно прервала Пелагея Кирилловна. — У мальчика кофе стынет.

— Да-да, — спохватился супруг. — Простите...

Терпения его, однако, хватило только на то, чтобы дожидаться, пока Влас сделает пару глотков.

— А позвольте полюбопытствовать, — живо продолжил он, стоило поставить чашку на блюдечко, — что о нас говорят в Суслове? Бранят небось?

— Да нет, не особенно так, чтобы... — выдавил интурист.

— Неужто хвалят?

Влас окончательно пришёл в замешательство. Во-первых, не хотелось никого обидеть ненароком, во-вторых, он и впрямь не знал, что ответить. Как ни странно, о ближайшем соседе сусловчане были осведомлены крайне скудно. Поговаривали, будто поначалу, то есть сразу после распада области на суверенные государства, в Понерополе царили законность и порядок, а потом к власти пришла преступная группировка. Однако так, согласитесь, можно выразиться о любой стране, пережившей внезапную смену политических ориентиров. Тут всё зависит от точки зрения.

Куда больше известно было об отношении к Понерополю прочих сопредельных держав. Лыцкая патриархия объявила бандитское государство врагом номер три. И естественно, что суверенной республике Баклужино, являвшейся для Лыцка

врагом номер один, ничего не осталось, как признать Понерополь вторым своим союзником наравне с Соединёнными Штатами Америки.

Словом, по обыкновению, придерживался нейтралитета и ни с кем ссориться не желал. Пресса безмолвствовала. То, что передавалось из уст в уста, доверия не внушало.

— М-м... — сказал Влас, чем привёл старичка в восторг.

— Что вам вообще известно о Понерополе? — задорно, чуть ли не задиристо осведомился тот. — С виду, согласитесь, провинция, а между тем один из древнейших городов Европы. Знаете, кем он был основан?

— Говорят, Александром Македонским, — осторожно сказал Влас, вспомнив бронзовый памятник на площади. — Только это, по-моему, легенда...

— Конечно, легенда! — радостно вскричал старичок. — Какой Александр? При чём здесь Александр? Город основан Филиппом Македонским! Филиппом, запомните, юноша. Александр тогда ещё под стол пешком ходил... — Личико Раздрая внезапно заострилось. — Сложность в том, — озабоченно добавил он, — что на свете есть несколько Понерополей, и каждый, так сказать, претендует на подлинность. Мало того, есть вообще не Понерополи, которые тем не менее претендуют...

— Аверкий... — простонала Пелагея Кирилловна.

— Нет-нет... — вежливо запротестовал Влас. — Мне самому интересно...

— А интересно — спрашивайте.

Влас оглянулся. Оба давешних мордоворота маячили неподалёку от фонтана и со скукой выслушивали яростные оправдания некой дамы средних лет. Тоже, наверное, без оружия на улицу вышла.

— Кто они?

— Смотрящие, — пренебрежительно обронил Раздрай. — Они же салочки.

— Почему салочки?

— Сами сейчас увидите...

Влас снова уставился на троицу, причём очень вовремя. На его глазах задержанная злобно махнула рукой, признав, надо полагать, свою вину. Один из мордоворотов немедленно разоблачился и протянул ей куртку вместе с автоматом. Дама высказала напоследок ещё что-то нелицеприятное и с отвращением стала влезать в рукава.

— Так это... — зачарованно глядя на происходящее, заикнулся Влас.

— Совершенно верно! — подтвердил Аверкий Проклович. — Щёлкнул клювом — изволь принять робу, оружие и стать на стражу. А вы думали, легко поддерживать преступность на должном уровне?

Влас моргнул.

— То есть... не только за оружие?..

— За отсутствие оружия, — строго уточнил старичок. — Разумеется, не только.

— Скажем, мог украсть, не украл — и тебя за это...

— Вот именно!

— А если... все могли украсть — и украли?..

Раздрай запнулся, попытался представить.

— Эт-то, знаете ли... маловероятно... Ну не может же, согласитесь, так случиться, чтобы человек был виноват во всём! Хотя в чём-то он да неповинен! Хотя в чём-то его да уличишь! В супружеской неизмене, скажем... — при этих словах Аверкий Проклович приосанился и как бы невзначай бросил взгляд на Пелагею Кирилловну.

Тем временем дама и второй мордovorот, ведя неприязненную беседу, покинули сквер, а обезоруженный счастливец с наслаждением потянулся, хрустнув суставами, и двинулся к стойке.

— Сто грамм коньяка свободному человеку! — огласил он во всеуслышание ещё издали.

— Мои поздравления... — ухмыльнулся бармен, неспешно поворачиваясь к ряду бутылок и стирая длань.

— Нет, погодите... — опомнился Влас. — А вдруг это отмазка была? Вдруг я для виду клювом щёлкал?

— Может, и для виду... — согласился Раздрай. — Но смотрящего это, знаете, не впечатлит. Ему бы амуницию с автоматом сдать побыстрее...

Влас одним глотком допил остывший кофе и отставил чашку.

— Этак и за пять минут смениться можно!

— Э, нет! — погрозив пальчиком, сказал старичок. — Тут как раз всё продумано... Если осалишь кого в течение первого часа, будь добр, составь отчёт с подробным изложением причин... который, кстати, обязательно будет опротестован... Оно кому-нибудь надо — с клептонадзором потом разбираться? Проще отгулять часок, а после уж можно и так... без отчёта...

— А у вас при себе оружие есть?

— Вот ещё! — поморщился Раздрай. — Тяжесть таскать...

— А привяжутся?

— Не привяжутся, — успокоил смотритель и с нежностью огладил свой протезик. — Мы ведь тоже государство, Влас, — виновато улыбнувшись, добавил он. — А государство без глупостей не живёт... Ну вот и надо этим пользоваться! Хотя... — Раздрай насупился, пожевал губами. — Наложка, честно говоря, достала... — посетовал он.

— Наложка? — поразился Влас. — А у вас-то тут какие налоги?

Раздрай чуть не подскочил.

— Какие? — оскорблённо вскричал он. — А на кражу налог? А на разбой? На аферу? На взлом? Да на взятку, наконец!.. Это у вас там за границей всё бесплатно, а у нас тут извольте платить!..

Похоже, старичок осерчал не на шутку. Хрупкий, взъерошенный, теперь он неумовимо напоминал не то Суворова, не то старого князя Болконского.

— Аверкий, Аверкий... — увещевала Пелагея Кирилловна. — Не кипятись...

Аверкий Проклович разгневанно оглядел столик и вдруг успокоился — так же стремительно, как и вспылал. Откинулся на спинку стула, прикрыл глаза, морщинистое личико его стало вдохновенным.

— «Воры взламывают сундуки, шарят по мешкам и вскрывают шкафы, — продекламировал он нараспев. — Чтобы уберечься от них, надо обвязывать всё верёвками, запира́ть на замки и засовы. У людей это называется предусмотрительностью... — Раздрай приостановился, помедлил и снова завёл, по-прежнему не открывая глаз: — Но если придёт Большой Вор... — в голосе смотрителя послышался священный трепет, — ...он схватит сундук под мышку. Ввалит на спину шкаф. Подхватит мешки и убежит. Опасаясь лишь того, чтобы верёвки и запоры не оказались слабыми. Не развалились по дороге... — смотритель позволил себе ещё одну паузу и с горечью завершил цитату из неведомого источника: — Оказывается, те, кого называли предусмотрительными, лишь собирали добро для Большого Вора...» — Он вскинул наконец веки и сухо пояснил: — В данном случае — для государства...

— Какая память... — тихонько проговорила Пелагея Кирилловна, зачарованно глядя на мужа.

— А-а... если не платить? Н-ну... налоги... — с запинкой спросил Влас.

Раздрай ответил загадочной улыбкой.

— Это от полиции можно укрыться, — назидательно молвил он. — А от своих не укроешься, нет... Так ведь и этого мало! Потерпевший обязательно даст знать в клептонадзор, будто кража (или там грабёж) были произведены не по понятиям, а то и вовсе непрофессионально... А как он ещё может отомстить? Только так! Дело передаётся из клептонадзора в арбитраж. На вас налагается одна пеня, другая, третья... И прибыль ваша съёживается до смешного — дай бог в убытке не оказаться! Вот и гадай, что выгоднее: честно жить или бесчестно... Впрочем, что же мы всё о грустном? — спохватился он. — Вернёмся к корням, к истокам... К тому же Филиппу Македонскому... Вы не против?

— Нет...

— Тогда послушайте, что пишет Мишель Монтень, — старичок вновь откинулся на стуле, прикрыл глаза и принялся шпарить наизусть: — «Царь Филипп собрал однажды толпу самых дурных и неисправимых людей, каких только смог разыскать, и поселил их в построенном для них городе, которому присвоил соответствующее название — Понерополис». Город негодяев, — любезно перевёл он.

— Не далековато? — усомнился Влас. — Где Македония и где мы...

— Далековато, — согласился смотритель. — Так ведь и Сибирь далековата от Москвы, и Австралия от Лондона... Тем мудрее выглядит поступок Филиппа: если уж отселить, то куда-нибудь в Скифию... Однако я не закончил. «Полагаю, — пишет далее Монтень, — что и они (то есть мы) из самых своих пороков создали политическое объединение, а также целесообразно устроенное и справедливое общество...». Что, собственно, и видим, — торжествующе заключил Раздрай. Смолк, ожидая возражений.

Возражений не последовало.

— А вы думали, Влас, — несколько разочарованно вынужден был добавить он, — у нас тут всё новодел, лагерно-тюремная субкультура?.. Нет, молодой человек, традиции наши, представьте, уходят корнями в античность... Мы просто к ним вернулись...

Трудно сказать, что явилось тому причиной: парадоксальность суждений или же подавляющая эрудиция собеседника, но голова загудела вновь, и Влас почувствовал, что всё-таки без третьей стопки, пожалуй, не обойтись. Оглянулся на бармена. В глаза опять бросились ременчатая сбруя и рукоять пистолета под мышкой. Интересно, почему это все, которые не салочки, прячут оружие, а он напоказ выставляет?

Влас повернулся к Раздраю.

— А вот если я, положим, попробую уйти не расплатившись?

— Будь вы понерополец, — с безупречной вежливостью отозвался тот, — и представься вам такая возможность, вы бы просто обязаны были так поступить...

— А бармен?

— А бармен был бы обязан открыть огонь на поражение.

Сердце оборвалось.

— Что... в самом деле открыл бы? — пробормотал Влас.

— Вряд ли, — успокоил Раздрай. — Понятия у нас соблюдаются примерно так же, как у вас законы. Ну вот подстрелит он вас, не дай бог, — и придётся ему потом доказывать, что с его стороны не было попытки грабежа... Неудачной, обратите внимание, попытки! То есть облагающей пенями...

— А если не докажет?

— Господи! Кому ж я тут всё рассказывал? Заплатит налог. А налог с уличного грабежа, повторяю, серьёзный. Куда серьёзнее, чем та сумма, на которую вы бы задарма попили-поели...

— А докажет?

— Докажет — тогда всё в порядке, и вы виноваты сами. Но ведь действительно, согласитесь, виноваты...

— Аверкий, — вмешалась Пелагея Кирилловна. — Прости, что прерываю... Сколько времени?

Влас машинально вздёрнул запястье горбиком, однако наручных часов, само собой, не обнаружил. Часы были растоптаны в крошку ещё вчера вечером.

Раздрай выхватил сотовый телефон, взглянул, охнул.

— Через десять минут начнётся... Вот это мы заболтались!

3. Руки

Да, скорее всего, третья стопка не повредила бы, но заказать её Влас не успел — растормошили, уговорили, подняли со стула и повлекли туда, где что-то вот-вот должно было начаться. Шёл, едва поспевая за шустрой супружеской парой. Вдобавок снова дал о себе знать похмельный синдром: пошатывало, подташнивало, угрюмое воображение норовило предъявить все неприятности, поджидавшие Власа в Суслове, куда в любом случае придётся вернуться. К счастью, говорливый Раздрай и на ходу не умолкал, что хоть как-то да отвлекало.

— А я вам объясню, в чём дело, — возбуждённо журчал он. — Добро самодостаточно! В отличие от зла ему не нужна структура! Но если вдруг добро в оборонных или иных благих целях начинает выстраивать собственную систему, оно перестаёт отличаться от зла даже внешне...

«Господи, о чём он вообще?»

— Словом, какой бы исходный материал вы ни взяли, в итоге у вас всё равно получится государство со всеми его прелестями...

«Ах вон он куда гнёт... Примерно о том же, помнится, толковали они вчера с Павликом и Сашком, пока заскучавшая девица налегала на коньяк... А вот запер ли Влас дверь, покидая разорённую квартиру? Будем надеяться, что запер...»

— Опаздываем! — встревоженно бросила Пелагея Кирилловна, и престарелые супруги устремились напрямиком в самую гуцу транспорта.

Когда-то здесь несомненно была «зебра» перехода, о чём свидетельствовали фрагменты белой краски на асфальте. Автомобилей в Понерополе насчитывалось, пожалуй, поменьше, чем в Суслове, но гнали они как попало. Не решившись повторить самоубийственный манёвр Аверкия Прокловича и Пелагеи Кирилловны, Влас задержался на кромке тротуара в надежде, что стеклянное бельмо на той стороне улицы когда-нибудь вспыхнет. Бесплезно. Светофор, надо полагать, ослеп давно и навеки.

Сделал первый шаг — и слева послышался визг тормозов. Потом ещё один. Потом ещё. Странно, однако матерными возгласами это почему-то не сопровождалось. Не исключено, что за невежливые выражения здесь тоже отвечают.

Пересёкши останки осевой линии, Влас почти уже обрёл уверенность — и тут его чуть не сбили. Должно быть, водитель решил не тормозить, а сманеврировать. С бьющимся сердцем Влас кое-как достиг тротуара.

— Почему вдогон не стрелял? — буркнул кто-то неподалёку.

Обернувшись, увидел хилого очкарика в просторной куртке, с отворота которой на виновного таращился сердитый металлический глаз. Всё с тем же недовольным видом смотрящий, ни слова не говоря, сбросил ремень автомата с неширокого плеча, явно готовый расстаться с амуницией. Прощай, оружие.

— А надо было? — Влас нервно хихикнул.

— Слышь!.. — обиделся очкарик. — Вот только интуристом тут не прикидывайся! Это мы уже проходили... — Затем вроде бы усомнился и раздумал вылезать из рукавов. — А впрочем... — Быстро огляделся и понизил голос: — Можем и договориться... — совсем уже конфиденциально добавил он.

Кажется, Власа подбивали на какую-то сделку. Они отошли к облезлому стволу светофора, к которому приклепана была табличка из нержавеющей стали со следующими словами: «Так они ограничивали нашу свободу передвижения».

— Слышь, друг... — зашептал смотрящий. — Первокурсник я, в поликриминальном учусь, а завтра зачёт по гоп-стопу...

— И что? — оробело спросил Влас, тоже перейдя на шёпот.

— Жертва нужна. Первого встречного стопорить — сам понимаешь, неизвестно ещё, на кого нарвёшься... Денег дам. Половину — тебе, половину заберу обратно... когда грабить буду... Как, согласен?

— Да я вообще-то... в самом деле интурист... — проямлил Влас. — Утром прибыл...

Лицо за очками окаменело, стало беспощадным.

— Документы!

— Вот... — Влас достал и протянул паспорт.

Смотрящий бросил недоверчивый взгляд, принял книжицу, раскрыл, листнул, но, в отличие от давешних салочек, отнюдь не развеселился — приуныл. Потом скорбно принялся кивать.

— Да... — выдохнул он наконец. — Надо же! А я-то думал... Спасибо, что предупредил!

— А то бы что?

Глаза за линзами очков стали точными подобиями металлического ока на лацкане.

— То есть как «что»?! Иностранца грабануть! Это ж полная дисквалификация! Всё равно что ребёнка обидеть...

— Неужели бы отчислили?

— Со свистом!

Вернул документ, сокрушённо вздохнул ещё раз.

— Ну, привет Суслову. Трудно вам там, наверно, приходится...

С сочувствием похлопал по плечу и двинулся дальше, высматривая очередного кандидата в завтрашние жертвы. Некоторое время Влас озадаченно глядел в его сутулую спину, потом спрятал паспорт и осознал наконец, что, кажется, потерялся.

— Послушайте... — окликнул он.

Салочка обернулся.

— Тут где-то поблизости, говорят... что-то вот-вот должно начаться...

Очкастый страж беспредела нахмурился, припоминая. Затем лицо его прояснилось.

— А! Так это, наверно, у Фили... Там вроде правдолюбки митинг собирают...

— У Фили? — беспомощно повторил Влас. — У какого Фили?

Очкарик наконец-то улыбнулся. Всё-таки, что ни говори, а наивные они, эти иностранцы!

— У Македонского, у какого ж ещё? Филия у нас один...